

Федор Николаевич ИВАНОВ —
старший преподаватель кафедры
отечественной истории
Сыктывкарского государственного университета,
кандидат исторических наук
fedor-ivanoff@mail.ru

УДК 94:355.212.3(470+5·71)«17/18»

ЛЬГОТЫ И «ИЗЪЯТИЯ» ОТ РЕКРУТСКОЙ ПОВИННОСТИ В РОССИИ в XVIII–XIX вв.

PRIVILEGES AND DISPENSATION FROM RECRUITING DUTY IN RUSSIA IN XVIII-XIX CENTURIES

АННОТАЦИЯ. В статье дается анализ льгот и «изъятий» от рекрутской повинности в России как части системы раскладки рекрутской повинности, раскрываются причины их появления и основные направления дальнейшего развития. Делается вывод о необходимости существования системы льгот и «изъятий» для развития рекрутской повинности как государственного института.

SUMMARY. The article gives the analysis of privileges and dispensation from recruiting duty in Russia as a part of the system of recruiting duty distribution, the reasons of their appearance and the basic directions for further development are revealed. The conclusion in the article is focused on the necessity of the system of privileges and dispensation for the development of recruiting duty as a state institution.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Перераспределение рекрутской повинности, освобождение от повинности.

KEY WORDS. Redistribution of recruiting duty, exemption from the duty.

Рекрутской повинности, оказывавшей заметное влияние на население России на протяжении почти двух веков, посвящена обширная исследовательская литература. Первые специальные работы, в которых раскрывались проблемы истории рекрутской повинности, появились во второй трети XIX в., за время существования историографической традиции сформировались устойчивые представления и оценки рекрутчины. Одним из таких устойчивых убеждений, закрепившихся в историографии еще в пореформенную эпоху, является взгляд на льготы и «изъятия» (освобождение) от рекрутской повинности как явление негативное и заслуживающее осуждения. Историки видят в них основную причину социальной несправедливости рекрутской системы комплектования и слабости мобилизационных ресурсов русской армии [1]. Но в данном случае необходимо помнить, что взгляды исследователей формируются в определенных конкретно-исторических условиях и зависят, в том числе, и от их личного опыта и существовавшего тогда общественного мнения. В 1860-1870-х гг. во время разгоревшейся полемики о путях реформирования армии уже устаревшая рекрутская система подвергалась достаточно сильной и, в целом, справедливой критике. Однако рекрутская повинность как способ комплектования вооруженных сил существовала в России более полутора столетий и позволяла иметь большую профессиональную армию даже при наличии большого числа льгот и «изъятий». Следовательно, этот сюжет нуждается в более тщательном, специальном изучении. Целью нашей работы является анализ льгот и «изъятий» как

части системы раскладки (перераспределения) рекрутской повинности. Источниковая база исследования основана преимущественно на законодательных источниках — рекрутских уставах [2], [3], [4], [5] и иных актах по рекрутской повинности, опубликованных в первом и втором собраниях Полного собрания законов Российской Империи.

В XVIII-XIX вв. в России трансформация военно-организационных мероприятий государства в повинность населения выставлять рекрутов осуществлялась через специальный механизм — систему раскладки рекрутской повинности. Основная задача этой системы заключалась в том, чтобы позволить государству в полной мере обеспечить армию новобранцами, максимально снижая тяжесть повинности для населения (своих налогоплательщиков). Распределение рекрутской повинности производилось на трех уровнях — общегосударственном (между податными сословиями), территориальном (в каждой губернии) и в рекрутских участках в уездах. Система раскладки рекрутской повинности складывалась постепенно — государство последовательно устанавливало свой контроль над уровнями раскладки — от первого к третьему — и увеличивало свою активность по реализации своих полномочий. Наиболее существенные изменения в сфере рекрутской повинности произошли в 1831-1874 гг., когда государство создало систему распределения рекрутской повинности, охватывавшую все три уровня раскладки, и стало определять все аспекты ее функционирования. В этот же период рекрутская система достигла наиболее возможного совершенства [6]. Инструментами для достижения на практике требуемого баланса служили перераспределение рекрутской повинности за счет привлечения к ее исправлению податных сословий и отдельных сословных групп, а также их освобождение от рекрутчины, временное (льготы) или постоянное («изъятия»). Использование этих инструментов позволяло государству проводить более гибкую и целенаправленную политику в сфере рекрутской повинности. Рассмотрим использование государством освобождения от рекрутской повинности в XVIII-XIX вв. на всех уровнях ее раскладки.

На первом уровне раскладки рекрутской повинности осуществлялось законодательное регулирование льгот и «изъятий» и определение конкретных категорий податного населения, подлежащих (не подлежащих) освобождению от рекрутчины. С момента установления в начале XVIII в. рекрутская повинность была обязательной для всех податных сословий государства, хотя некоторые их категории получали по особым указам освобождение от исполнения рекрутчины. Так, еще в первой четверти XVIII в. от рекрутской повинности были освобождены «бухарцы Сибирской губернии и служилые сибирские татары», мастеровые горных заводов, вступивших в действие, и крестившиеся иноверцы. Тогда же было установлено, что купцы и тульские оружейники должны платить вместо рекрутов по 100 рублей за человека, а рекруты, собранные с сибирских заводов, должны оставаться при них для защиты. В 1766 г. такая практика была зафиксирована «Генеральным учреждением», которое требовало «сбор рекрут во всем государстве чинить с положенных по последней ревизии в оклад (кроме ... прочих, о коих особыми указами изъяснено)» [2]. В 1831 г. эта норма была уточнена вновь изданным Рекрутским уставом и оставалась неизменной вплоть до отмены рекрутской повинности [3], [5]. Таким образом, источником комплектования войск были все категории податных сословий, за исключением тех, «о коих особыми указами изъяснено». Практика подобных «изъяснений» применялась достаточно широко, настолько, что к началу последнего периода существования в России рекрутской повинности, в 1858 г., по подсчетам А.Ф. Реди-

гера, из 29,5 млн мужчин Европейской России (без Финляндии и Польши), принадлежавших к податным сословиям, 6 млн (20%) были в той или иной мере освобождены от исправления рекрутской повинности «особыми указами» [7; 131].

Часть податного населения освобождалась от отправления рекрутской повинности «навсегда» или временно, либо же имела право замены военной службы денежным взносом. Всего в первом и втором собраниях Полного собрания законов Российской Империи зафиксировано 228 случаев освобождения (в период с 1700-1874 гг.) различных категорий податного населения от рекрутчины, причем большая часть таких актов (145 или 63,6%) приходилась на 1825-1874 гг. Необходимо добавить, что с 1825-1874 гг. наблюдалось значительное расширение категорий населения, подлежащего рекрутской повинности. Предоставление льгот отвечало потребностям социально-экономического развития страны, и изменение, регулирование структуры льгот подчинялось его требованиям. Если первоначально, в XVIII в., правительство во главу угла ставило увеличение источников комплектования армии и очень редко использовало предоставление льгот по рекрутской повинности, рассматривая их как исключительную привилегию, то впоследствии было вынуждено эту практику значительно расширить.

Анализ законодательства показывает, что предоставление льгот податному населению от исправления рекрутской повинности в 1700-1874 гг. было призвано способствовать решению ряда важных государственных задач. Освобождение от рекрутчины некоторых народов и жителей ряда территорий позволяло комплектовать армию преимущественно элементами, наиболее интегрированными в русское общество. Оставление при заводах «штатных мастеровых» и работников, прошедших подготовку в специальных учебных заведениях обеспечивало развитие промышленности, как в целом, так и ряда приоритетных отраслей (оружейной, горной) и отдельных, важных для государства предприятий. Были установлены «изъятия» для технических специалистов низшего и среднего звена, выпускников различных учебных заведений министерства государственных имуществ и удельного ведомства, «реальных классов» при училищах и гимназиях министерства народного просвещения [4]. Они освобождались от натуральной рекрутской повинности, но были обязаны платить деньги при наступлении своей очереди. Размер денежных взносов был достаточно высок (во второй трети XIX в. он составлял 150 руб. серебром). Освобождение от повинности получали и лица, «окончившие курс наук» в ряде специализированных учебных заведений и получившие соответствующие свидетельства. К примеру, выпускники шкиперских училищ, Кяхтинского училища китайского языка, а также учителя начальных народных училищ. В 1853-1854 гг. в России впервые были установлены отсрочки от набора в армию для лиц податных сословий, получающих образование в гимназиях, университетах, Академии художеств, Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга и отличавшихся при этом хорошей успеваемостью и поведением. Тогда же «изъятие» было сделано и для работников образовательной сферы, еще не успевших выслужить первый классный чин [4]. Кроме этого, к исправлению повинности не привлекались лица, занимавшиеся выполнением необходимых для государства работ: содержанием дорог, торговлей на Кавказе, гражданским мореплаванием и т.д. Здесь необходимо подчеркнуть, что льготы и «изъятия» по профессиональному признаку в России присутствовали изначально, их доля постоянно увеличивалась, особенно заметно это

происходило в 1825-1874 гг., то есть когда в стране проходил промышленный переворот.

Освобождение от рекрутской повинности окраинных и отдаленных территорий и сохранение на них, таким образом, работников из числа местного населения, рассматривалось правительством как важное условие развития этих территорий. Так, в 1820 г. право замены военной службы денежным взносом получило население Архангельской губернии, что, по замыслу правительства должно было способствовать увеличению торговли и развитию архангельского порта. От рекрутчины освобождались также иностранные колонисты и русские переселенцы [2].

Льготы и «изъятия» использовались и для решения специфических задач — сохранения сословных привилегий (например, рекрутчине не подлежали лица, награжденные шейными медалями или прослужившие 3 срока в органах местного самоуправления крестьян и мещан, иммунитет предоставлялся и на время службы) и распространения православия (особенно в 1700-1770-х гг.). Откуп от рекрутчины для жителей отдельных территорий и некоторых категорий населения был достаточно часто применявшимся видом льгот, что свидетельствует о использовании системы льгот для пополнения государственного бюджета.

«Изъятия» от исправления рекрутчины могли быть полными и безусловными или предоставлялись на определенных условиях, в том числе за денежный откуп. В последнем случае деньги выплачивали сами льготники при наступлении их очереди или жребия, либо же их собирали в ходе рекрутского набора в виде особого налога с народов, сословных групп и жителей определенных территорий, владельцев заводов за их мастеровых. Сделанные «послабления» обставлялись определенными условиями. К примеру, государство требовало от таких людей обязательного занятия профессиональной деятельностью в соответствии с документами об образовании при условии «беспорочного поведения», удостоверенного начальством. В случае невыполнения оговоренных требований человека могли забрать в армию.

На втором уровне раскладки рекрутской повинности производилось непосредственное наделение населения той или иной губернии льготами и «изъятиями» от рекрутской повинности. Учет льгот и «изъятий» как и функции по раскладке повинности на губернском уровне осуществляли казенные палаты. Непосредственный контроль за предоставлением льгот населению входил в компетенцию губернатора, который следил за исполнением законодательства, разбирал прошения и жалобы населения. Кроме этого, он имел право в случае неурожая на территории губернии или некоторых ее уездов ходатайствовать о перенесении рекрутского набора на более поздние сроки или об его отмене. Так, в 1863 г. по этой причине был отменен зимний набор в Архангельской губернии и Сольвычегодском, Усть-Сысольском и Яренском уездах Вологодской губернии (для мещан и государственных крестьян). В 1868 г. рекрутский набор был отменен в Вологодской и Архангельской губерниях [8].

В особых случаях губернаторы могли ходатайствовать перед императором о введении специальных льгот для некоторых категорий населения. Например, начальник Архангельской губернии в 1866 г. просил Александра II предоставить русским подданным, заселявшим мурманский берег, временное освобождение от рекрутчины и, по окончании льготного срока, установить для переселенцев плату за рекрута «... подобно назначенной для лопарей по 150 руб. вместо 300 ...». Просьба губернатора была удовлетворена [9].

Значительные перемены произошли на третьем уровне раскладки. В XVIII в. определение кандидатов в новобранцы из числа жителей рекрутских участков государством фактически не регламентировалось, соответственно здесь не было и государственных льгот и «изъятий». «Практическая раскладка» производилась на основе выработанного народом обычая — «очередного порядка». Этот порядок отбора рекрутов основывался на народных представлениях о справедливости и предполагал учет «рабочей силы семейств» (преимущественно числа и возраста мужчин в каждой семье). Рекрутов в итоге должны были выставлять семейства, в которых было больше работников («многорабочие семейства»), причем соблюдался порядок очередности. Распределение рекрутских очередей и определение кандидатов в рекруты проводилось самими общинами, которые в некоторых случаях могли делать исключения, «обходя очередь» некоторые семейства. Однако, бытовавшие среди населения представления о справедливости требовали, чтобы рекрутскую повинность в той или иной форме отбывали все семейства без исключения. Например, по свидетельству Г.С. Сидоренко, в 1821 г. властям Ярославской губернии стало известно о существовании у казенных крестьян следующего обычая. Когда в очередных семействах не оказывалось людей, годных в рекруты, либо же до семейств, отбывших ранее рекрутскую повинность, долго не доходила новая очередь, или же когда до семейства очередь и вовсе никогда не доходила, общины принуждали такие семейства «вносить в мир деньги за половину, треть, четверть рекрута, полагая его в 2000 руб.». Собранные деньги выдавались в качестве «вспомоществования» семействам, выставившим рекрута «натурою», или употреблялись на нужды общины, при этом о сборе денег делалась соответствующая отметка в очередном списке. В последующие же наборы общины, однако, выставляли рекрутов из этих уже уплативших ранее деньги семейств. Поскольку члены последних, претерпев материальный урон и потеряв работника, активно подавали жалобы, власти были вынуждены запретить подобную практику [10; 123].

В 1831-1874 гг. «практическая раскладка» перешла под контроль государства и стала в большой степени определяться чиновниками. Долгое время работниками по закону считались все мужчины в возрасте от 18 до 60 лет, независимо от состояния здоровья. Необходимо помнить и то, что официальный фискальный учет населения осуществлялся во время ревизий, которые проводились через неравномерные временные промежутки. Начиная с 1831 г. осуществлялось законодательное урегулирование вопросов, связанных с исключением лиц податных сословий из числа работников при раскладке рекрутской повинности. Из числа работников были исключены умершие после ревизии, отправленные в ссылку, безвестно отсутствовавшие в течение пяти лет. Работниками при раскладке рекрутчины перестали считаться также лица, получившие ранее полное освобождение от рекрутчины. Появились «изъятия» по медицинским показателям, когда освобождались от рекрутчины «совершенно слепые на оба глаза», инвалиды, не имеющие руки или ноги, и те, «у кого обе руки или ноги лишались всякого действия». В 1840-е гг. из числа работников были изъяты мужчины, которые не могли владеть какой-либо рукой или ногой вследствие паралича или иной болезни, но это осуществлялось лишь по приговору общества и на срок до выздоровления. Понятно, что мирской сход очень придирчиво рассматривал все подобные случаи. В 1850-е гг. список освобожденных от рекрутчины пополнился теми, кто страдал лишением умственных способностей (диагнозы *mania, insania, amentia, fatuitas, stultitia, moria* по наставлению врачей издания 1831 г.), однако такие люди освобождались от рекрутчины по приговорам обществ,

если только их невозможно было привлечь ни к каким работам или занятиям, «доставляющим выгоду или пособие их семействам». Тогда же в рекрутский устав было внесено изменение, касавшееся семейств «двойников» (из двух работников), в которых один из работников был глухонемым от рождения — такое семейство переводилось в разряд одиночек, не участвовавших в общей очереди. Наконец, было постановлено, что лица, представившие за себя в рекруты «наемника или безвозмездного охотника из чужих семейств» или заменившее себя представлением рекрутской зачетной квитанции, также больше не считаются работниками [4].

Рекрутским уставом 1831 г. были установлены льготы по семейному положению, к примеру, для «одиночек» (семейств с одним работником), которые при очередной системе освобождались от рекрутской очереди, и приравненных к ним семейств «двойников» из двух работников — отца и сына, деда и внука, племянника и дяди. Но, если таковых семейств в участке было более трети от общего числа, то они привлекались к исправлению повинности и составляли отдельный участок. С 1862 г. сходам крестьян и мещан было предоставлено право освобождать молодых людей от призыва к жеребью, либо переводить их из высшего в низший разряд, если члены схода признавали, что такая мера «необходима для поддержки семейству», но затем решения схода должны были получать утверждение мировых посредников.

Из тех, кто подлежал рекрутчине, незначительное число получало льготы от рекрутчины на срок от года до шести лет. Как правило, это были люди, «вновь записывавшиеся в общества мещан и крестьян», «вольнотпущенные», «выходцы из военнопленных», а также воспитанники приказов общественного призрения до их совершеннолетия [2], [3].

Подводя общий итог, можно сказать, что в XVIII-XIX вв. в России сложилась сложная система форм временного (льготы) и постоянного («изъятия») освобождения от рекрутской повинности, которыми была наделена значительная часть мужского податного населения страны. Льготы и «изъятия» появились одновременно с установлением рекрутчины в первой четверти XVIII в. и являлись важной частью системы раскладки рекрутской повинности, в которой они выполняли роль инструмента для создания государственной властью необходимого ей баланса между интересами обороны и интересами социально-экономического развития страны. Разнообразие форм освобождения от рекрутчины (временное, постоянное, полное, неполное, право откупа) и условий их предоставления придавали этому инструменту необходимую гибкость. При помощи освобождения части податного населения от рекрутской повинности государство решало широкий спектр задач — от комплектования армии более подходящими элементами и сохранения хозяйства налогоплательщиков до развития важных отраслей промышленности и пополнения бюджета. Развитие системы льгот и «изъятий» определялось развитием системы раскладки рекрутской повинности и окончательно завершилось в 1831-1874 гг., когда государство стало полностью регулировать все уровни распределения рекрутчины.

Необходимо особо подчеркнуть, что льготы и «изъятия», занимая значимое место в рекрутской повинности, соответствовали уровню социально-экономического развития страны. Расширение их системы происходило одновременно с привлечением к рекрутчине более широких слоев населения и определялось модернизацией самой рекрутской повинности, когда постепенно (особенно после 1831 г.) были повышены четкость определения кандидатов в рекруты и скорость их набора. Следовательно, недостаток рекрутской повинности следует усматри-

вать скорее не в «чрезвычайно развитой» системе льгот и «изъятий», а в общем устаревании в XIX в. рекрутчины как государственного института.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов Ф.Н. Рекрутская повинность населения России в XIX столетии в освещении отечественной историографии // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени (к 200-летию подписания Тильзитского договора): М-лы междунар. науч. конф. СПб., декабрь 2007 г. СПб., ИД С.-Петербур. гос. ун-та, 2008. С. 204-211.
2. Генеральное учреждение «О зборе в государстве рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто как в приеме, так и в отдаче не истинною поступать будет». [Конфирмовано 29 сентября 1766 года]. СПб.: [Тип. Морск. кад. корпуса, 1776]. 38 с.
3. Рекрутский устав 1831 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. второе. Т. VI. СПб., 1831. № 4677.
4. Общий устав рекрутский // Свод законов Российской Империи. Т. IV. СПб., 1857.
5. Общий устав рекрутский // Свод уставов рекрутских. СПб., 1862.
6. Иванов Ф.Н. Эволюция государственной политики в сфере рекрутской повинности в XVIII-XIX вв. // Российская полития: прошлое, настоящее, будущее: Сб. тр. / Под ред. Г.Ф. Доброноженко, И.А. Гончарова. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 2006. Вып. 2. С. 164-176.
7. Редигер А. Комплектование и устройство вооруженной силы. Ч. 1: Комплектование армии. СПб., 1913.
8. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Коми». Ф. 275. Оп. 1. Д. 86. Л. 35, 37.
9. Российский государственный исторический архив. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3354. Л. 88-88 об.
10. Сидоренко Г. Рекрутская повинность. Значение ее в ряду систем формирования и комплектования войск и историческое развитие ее в России. Киев, 1869.

Михаил Анатольевич БАРАШЕВ —

декан исторического факультета

Владимирского государственного университета,

кандидат искусствоведения, доцент

mb@mlb.elcom.ru

УДК 929.7.031

«ДОБРЫЙ И ВЕРНЫЙ» СЛУГА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКОГО ДВОРЯНСТВА второй половины XVIII – начала XIX вв.

IDEAS OF RUSSIAN NOBILITY OF THE SECOND HALF OF THE XVIII TO THE BEGINNING OF THE XIX CENTURIES ABOUT «GOOD AND LOYAL» SERVANT

АННОТАЦИЯ. Эта статья посвящена представлениям русского дворянства второй половины XVIII – начала XIX вв. о «добром и верном» слуге. Автор описывает основные качества «доброго и верного слуги» и роль дворянства в его воспитании.

SUMMARY. This article is devoted to ideas of Russian nobility of the second half of the 18 to the beginning of the 19 centuries about «good and loyal» servant. The author describes basis qualities of «good and loyal» servants and nobility's role in their education.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Русский дворянин, домашний слуга, добродетель, порок.
KEY WORDS. Russian nobility, domestic servant, virtue, vice.